

Дети Лимба
Mike Black

18+

Mike Black
Дети Лимба

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Black M.

Дети Лимба / М. Black — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06372-3

Ты станешь лучше, чем был, но от этого лучше не станет. И в этом небе без звезд отразятся твои глаза. Я покажу тебе мир среди тысяч бетонных развалин. Отыщи в этом что-нибудь, хоть что-нибудь для себя. М. Black

ISBN 978-5-532-06372-3

© Black M., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Солнышко	6
Тебя потерять	8
Дети Лимба	9
Ложь	10
Инкассация	11
Пыль на их ресницах	12
Останки дня	13
Карнавал	14
Иллюзия	16
Шнуровкой на горло	17
Сумрачным снегом	18
Старое	19
Отпечатки	20
Карантин	21
Смой это все	22
Мы – не ангелы	23
Паразиты	24
Мешок с костями	25
Кройщик	26
Больше не вместится	27
Повод	28
Испытание	29
Не скрывли	30
Белый шум	31
Пантеон	32
Стало проще	33
Некрономикон	34
Вы придете	35
Еще живы	36
Говори со мной	37
Ничего не вижу	38
Обрывком кабеля	39
Отпусти меня	40
Не по плечам	41
Резец	42
Сомнамбула	43
Готэм	44
Фабрикат	45
Вода	46
Ты проиграл	47
Легион	48
Доброе утро	49
Интерфейс	50
Айсберг	51
Перчатки	52
Не найден	53

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Солнышко

Что же ты, тусклое грустное мертвое солнышко,
Ласково давишь мне трупом на психику,
И кровь твоя ядом стекла по заброшкам,
Стопоря на рефлексах тягу к развитию.

Что же ты, дрянь, улыбнешься за тучами,
Словно ждешь, что подам тебе признаки жизни.
Словно ищешь меня своим ядерным лучиком,
Чтобы вновь облучить отныне и присно.

Ты не светишь здесь. Тебя нет. Не бывает.
Ты лишь сумрачный призрак моей фантазии.
Эту землю не греет, не освещает.
И ты примешь за счастье свою эвтаназию.

Исходи эти сырые ночные тропы,
Зато здесь хотя бы бывает не каждый.
И фонари не светят, зато темень тромбом
Тебя единственная примет в объятьях жадных.

Ну а чего ты ждал? Давай посмотрим.
Загляни к себе внутрь – там гниющий гроб.
И опарыши с живого тебя пир устроят,
В лабиринтах непонятных грудных катакомб.

И ты не удивлен. Здесь никто не примет.
Потому что изуродован и так же мертв.
Каждый трусит, что его у себя отнимут,
Но не думает, что на глазах штрих-кодом надпись:
«Стерт».

И ты сушишь десна каждой встречной бездне,
Каждой пропасти безумия и каждой лжи.
Если здесь был Бог, то он не воскреснул,
И ему нет дела, что бы ни скажи.

И ты задыхаешься, пока не грохнет,
Не усохнет в голове последний сердца стук.
И ты твердо знал, из чего рвал когти,
Но не знал, куда ноги тебя приведут.

Приведут по цементной сырой дорожке.
Приведут по грязным лужам в тот промозглый день,
Где касаткой полумертвой нас туман до дрожи
Опоясает и примет как родных детей.

И там солнышко не ждет, ты его придумал.
Чтобы просто для чего-то в никуда прийти.
Чтобы просто не сдаваться, отвергать угрюмо
Все попытки бросить и потом найти.

Здесь найти хоть что-то. Найти кого-то.
Для чего бы можно было и не умирать.
Для чего бы можно было жить. Но вот он,
Твой последний эпизод с пометкой: «Потерять».

Так скажи же, почему ты улыбнешься грустно,
Если вовсе меня здесь ты больше не найдешь?
Мое солнышко больное в пересохшем русле,
Меня не было, не будет, ты со мной умрешь.

Тебя потерять

Снова проснусь, значит снова с тобою расстанусь.
Останусь оторванным тлеющим смятым листом.
И снова безмолвно будто во всем растворяюсь,
Остывая здесь сумрачным тихим костром.

Застревая мостом здесь, что тлеет над мутною речкой.
И ногами касаясь холодного вязкого дна,
Я на берег смотрел, и смотрел сквозь туманы бы вечность.
Только вечность жестоко разломит границами сна.

Я хотел бы остаться, хотел бы не ошибиться,
Как пришлось ошибаться несчетное множество раз.
И хотел бы позволить чему-нибудь сбыться,
Только утро нас вскроет, и вскроет живое в нас.

Зачем же придумано было все то, чего быть не может.
Для чего не отпустит, я все еще буду ждать.
Буду ждать, когда утро холодное вновь потревожит
И насильно заставит по новой тебя потерять.

Дети Лимба

По разбитым окнам я читаю город,
Чередой мелких капель мне плеснет за ворот
Темнота заборов, не хранящих слово.
И здесь может зазвучать лишь щелчок затвора.

И не скалься мне, мне тебя не видно,
Просто жми на спуск – я подставлю спину.
Я не обернусь, чем бы ни пробило,
Ведь смотреть назад еще хуже было.

Не откроют дверь, ведь мы дети Лимба.
Нам откроют смерть, чтоб не быть наивным.
Под ногами твердь из разбитых плиток,
И я режу ноги, чтобы сделать выбор.

Я один из многих и умру безлицим.
И единственное счастье нам здесь лишь приснится.
Рвать себя на части – есть инстинкт убийцы,
Чтобы в одночасье и себя лишиться.

И пылало небо, как пылали люди.
И сгорали белым, и сгорали в сути,
И сгорали в пепел, и сгорали в буднях,
И врезались в землю, словно сбитый спутник.

А воронье море жаждет новой крови.
Жаждет грязных туч, жаждет вечной бойни.
Если я вернусь, то беспечно спой мне,
Для чего я здесь и не сплю спокойно.

Ложь

Ты в чудо веришь?
Я вот, безусловно, да.
Все потому что видел его тело,
Нанизанное на штыри во льдах,
Да на асфальте внутри контура из мела.

Ты в сказки веришь?
Я вот, безусловно, да.
Ведь я писал их, и они все сбылись,
И ради жизни в горло мне вцепились,
Меня испив и высосав до дна.

В добро ты веришь?
Я вот, безусловно, да.
Я в этой жизни видел добрых,
Не получивших ничего, кто все отдал,
Но их всех выкинули и не помнят долго.

Ты в утро веришь?
Я вот, безусловно, да.
Оно придет, но только греть не станет.
И никого здесь не спасет, оно устанет
Нас греть, уже остывших навсегда.

Ты людям веришь?
Я вот, безусловно, да.
Им ничего не стоит жрать друг друга.
Я видел тех, кто больше не предал,
Но всем им стыдно в этом грязном круге.

Ты веришь, что однажды ты поймешь,
Что больше ни во что уже не веришь?
Я долго верил даже в ложь,
После того, как эту ложь проверил.

Инкассация

Время застыло, а я,
Я все еще жду перемены
В своем необъятном плене.
Искренне жду и верно,
Считая число вселенных
На каплях холодных дождя.

За стеклами звуки ветра
Повиснут на кабельных лентах.
И все, что хранилось в моментах,
Холодную горькою пеной,
Привычно и непременно
Зальется куда-то в меня.

И нам приходилось здесь видеть
Все то, от чего отказаться
Хотели, но нам суждено
Здесь только на веки остаться.
Я пробовал прикасаться,
Но здесь уже нет ничего.

Вызови инкассацию.
Пускай хоть они заберут
Весь этот никчемный труд,
Всю этой души деградацию.
И какой-то неясный маршрут
Выберут и увезут.

Пыль на их ресницах

Не остаюсь ни в памяти, ни в лицах.
И мне не страшно даже оступиться,
Пускай на этой скорости убьюсь.
Ведь я всего лишь пыль на их ресницах,
Что не задела ни единых чувств.

И что бы я ни делал, пылью остаюсь.
И пеплом.
Хоть заживо кремируй,
Здесь побывал лишь ветром,
И как себя ты ни терзай, ни препарируй.

Ты видишь меня день,
И мне не знать, где буду завтра.
Я словно каждый раз на точке невозврата.
И как бы ни хотел прийти обратно,
Я просто этой жизни тень.

Нас не найдет здесь ни одна координата.
В этой системе, что сломалась пополам,
Я сам пытался не сломаться.
Хоть и старался, но всего себя и не отдам.

Остановиться – значит сдаться.
А сдаться здесь сулит нам только смерть.
И может даже лучше, что нет шансов
Здесь становиться медленней, чем свет.

Так будет меньше боли, меньше веры.
Ты для других хотя бы просто один миг.
И для других все это лучше, но наверно,
Ты непременно сам соришь, себя убив.

Останки дня

И небо обнажило свои раны,
Залив прощальным светом этот миг.
А я все крыши бы отдал и вскрыл все карты,
Чтобы делить этот циклический странный мир.

И на руках бы эти звезды засыпали,
Как я здесь засыпал, но все не так.
Я все это принес и все отдал бы,
Чтобы не видеть больше пепел на руках.

Сквозь этажи и сквозь пролеты зданий
На землю упадет пустынный взгляд.
И разобьется об асфальт, и перестанет
Смотреть туда, где поезда уходят в ряд.

Фломастер тускло пару кирпичей испишет.
Храни застывшей тенью здесь себя.
Храни здесь память, даже если ты не дышишь.
Нам больше негде сохранить останки дня.

Карнавал

Сердце безмолвно сожмет.
И я где-то внутри потеряю сознание.
Был ли осознанно здесь?
Даже не знаю я.
Будешь опознан ли,
Если в тебе все умрет?

Что терять тебе,
Если сам ты потерян в вечности?
Что скрывать тебе,
Если клетка грудная вскрыта?
Моих мыслей петля
Станет галстуком черным,
Станет одной из конечностей.
Позовите ученых,
Пускай просветят меня.

Как дурак я сжимаю клинок,
Но он пополам поломан.
Скажи, кто его соберет,
Когда сам стал металлоломом?
Я смотрю снова в пасть,
В пасть всем своим драконам,
Молча жду,
Когда кто-то меня сожрет.

Не зови,
Не зови это место домом.
На моральных устоях
Своей аморальной цепи,
Мы все дружно дорожку в далёко свое построим.
Когда ты не вернешься, меня за собой позови.

Я губами прильну
И лизну языком штукатурку.
Такую безвкусную кожу всех этих стен.
Как качели на холоде,
На холоде самом жутком.
Будет больно, польют.
Обольют кипятком. Зачем?

Зачем же, скажи, зачем я мечтал о счастье?
Зачем люди отдали себя,
Отдали и пали здесь.
Отдали себя, себя разодрав на части,
Когда всех изнутри выжигала больная смесь.

Ты не смейся, здесь нет ничего смешного.
Мы поржем от души, ведь нам уже всем плевать.
Посмотри нам всем вслед,
Отвернись, не сказав ни слова.
Наше время пройдет,
Как пройдет и твое осуждать.

Осуди здесь сам -
Будешь сам не судимым вечность.
Всем так легче, и все этой гнилью больны.
Мне врачи рассказали -
Хреново фильтрует печень.
Я сказал: «Оттого, что я мир фильтровал изнутри».

Меня с мысли собьют,
Но мысли терять не страшно.
Ты себя здесь терял, терял этой жизни суть.
Нам здесь не привыкать,
Слепыми родившись однажды,
Тебе зрение это уже никогда не вернуть.

Посмотри сюда.
Моя жизнь в рекурсивных снимках.
Я все фото из детства за эту одну отдал,
Забыл и отдал, за эту, в чернильных фильтрах.
Это все как вода,
Которую в легких собрал.

И ты выступишь это.
Выплатишь полную цену.
Выплатишь жизнью своей,
Болью своей, до конца.
Ваша жизнь – это роли,
Роли гниющей сцены.
Моя жизнь – это то,
Чего я здесь не отыскал.

Твое сердце сожмет.
Ты отдал бы его добровольно.
Отдал бы за то,
Чтобы кто-то не променял.
Но оно здесь лежит,
Лежит здесь в грязи произвольно.
И я вытру подошву об этот пустой карнавал.

Иллюзия

По нам не будет стен из плача -
Эти слезы не оплачены.
Есть только стены, что внутри.
Внутри мы ничего значим.

Все это бестолково,
Черновик и шарж.
Тебе не стать здесь чем-то новым -
Просто свежий фарш.

Рука не дрогнет – дрогнут нервы,
Что ее ведут.
Какая разница быть первым,
Если все умрут.

Мы могли лучше быть, но лучше
Нам уже не стать.
Здесь все иллюзия и скучно
Это не признать.

Шнуровкой на горло

Берцовой шнуровкой на горло
Давит родимая бездна.
Сколько таких распорол,
Которым дышалось здесь тесно?

И я также ташу свой непризнанный крест
На плечах, но в какую церковь?
И не пустят, сколько бы ты ни стучал,
Ведь внутри недостаточно места.

А за пазухой тихо так ждет и томится
Трехглавый голодный Цербер.
Без конца тебя жрет, не подавился,
И бумага объедки стерпит.

Ты мне, братик, однажды сказал:
«Раз отдал не туда, может, хватит?».
Я здесь все до конца так и не расписал,
И себя распластал, но не хватит.

Посмотри вокруг и раскрой глаза.
Мне много терять или мало?
И как ехать, скажи, если по тормозам
Сердце жмет, пока не отказало.

Сумрачным снегом

Замри.
Вместе с моим прилипающим взглядом.
Солнце выжжет нас белыми пятнами.
Отпечатками странной и жуткой зари.
Никого здесь нет рядом.
Я повязан и проклят безмолвной клятвой.
Не смотри.

Ощущай.
Если ты не боишься, прими этот ступор.
Раздели эту тяжкую глупую ношу.
И к участи этой не отпускай.
Нестабильная сеть из артерий вздутых.
Все плохое всегда здесь погубит хорошее.
Стопорящийся клапан – мой билет в Рай.

Просто усни.
И прикроет все сумрачным снегом.
Что так больно знаком и походит на щелочь.
Отвернись от него и наверх не смотри.
Этот мир нас своим растворит реагентом.
И в сугробах застрянет скорая помощь.
Нас с тобою накроет и растворит изнутри.

До нас не доедут.
Но я, замерзая,
Все еще буду таким.

Пускай уже поздно,
Буду выцветшим взглядом куда-то смотреть.

Страшно, наверное, быть не согретым,
Когда жизнь от тебя как всегда ускользает.
Ничего никогда не увидеть сквозь дым.

Но позволь этим звездам
Хотя бы с тобою тлеть.

Старое

Знакомое старое место,
Но только чужие лица.
Спасибо хотя бы за это,
Хоть что-то должно измениться.

И правда, так будет легче.
Оправданно не привыкать.
Искать здесь уже больше нечего,
И нечего отпускать.

И нечему больше вспомниться.
Спасибо, что больше не держит.
Вернемся на задней скорости,
К тому, что тебя зарежет.

Вернемся, но не останемся.
Не лапай сквозь мысли голову.
Ты смертью своею ластишься,
Но спасибо за что-то новое.

Отсыпь в запас тонну времени,
Которое здесь истратят.
Отплати и верни мне премией.
Только тебе не заплатят.

Все так же, как было прежде.
Где началось, пусть закончится.
Я мечтаю уйти к побережьям,
И мне возвращаться не хочется.

Отпечатки

Позволь смыть с себя отпечатки
Всех этих мертвых душ.
При жизни мертвы изначально,
Но оркестр сыграет туш.

И тянут все глубже цепко.
Устрой непристойный пир,
Поставив на шее метку,
Бритвою кровь пустив.

Губами прильнут и не пустят,
Вгрызаясь до жадных всхлипов,
До самого костного хруста,
Царапая грузом спину.

Позволь смыть с себя отпечатки.
Они все давно мертвы.
И ты с ними мертв изначально.
Но это всего лишь сны.

Карантин

На моих щеках заживают шрамы.
Аккуратно подрисуй мне один из них,
Чтобы не остыл от инфекций в ране.
Чтобы написал странный новый стих.

Дай нам повод жить, и мы будем рады.
Дай нам шанс простить и прости себя.
Я смотрел на мир за стеклом экрана,
И нашел лишь пыль на чужих полях.

На чужих полях в их чужих тетрадах
Мы пустой расчет, что сотрется сразу.
Мы как мягкий грифель, и нас не хватит.
Тушью потечем и все смажем грязно.

Обнажи мне душу в этом карантине,
Я заклеил свои губы синей изоляцией.
Я зашил свой рот, захлебнувшись в тине,
И утро стало чистилищем пустых моментов.

Подсознание сыграет свой изящный эндшпиль,
И все слито почему-то, как бы ни старался.
Ноги тонут в тазике с бетоном, скрежет.
Этот скрежет изнутри – я внутри порвался.

Хочешь красоту увидеть в самом мерзком?
Я пытался в кислоте здесь увидеть воду.
Я бы научился, но разбился с треском,
Собираясь по частям, спотыкаясь сходу.

Смой это все

Смой это все...

Смой это все со мной.
Я не боялся идти в неизвестность.
И не боялся руками лезть в гной.
Я искал этот шанс, но мне там не место.

Смой это все...

Я ненароком схожу с ума.
Потому что не знаю, сколько еще так нужно.
Пара чисел на счете, два пальца опять у виска.
Пара мыслей – это мое оружие.

Смой это все...

Всю пустоту во мне.
Я треть жизни отдал, чтобы текстом ее заполнить.
И еще треть отдал другим, не себе.
Треть отдам, чтобы здесь ничего не помнить.

Смой это все...

Смой эту веру в жизнь.
Я на инстинкте отбора убьюсь об свою безысходность.
Смой этот мир или лучше другой покажи.
Мое сердце рвет кровью.
Оно жрет свою черную полость.

Мы – не ангелы

Ангелам наголо выбрило крылья
И бросило к краю промзоны.
Небо не хочет принять их такими,
Земле не слышны их стоны.

Души зашить и ступать по растяжкам
Бесплодного минного поля
Готовы они, как бы ни было тяжело,
Но бритва сечет с головою.

И нимб был разбит, на колючую ленту
Заменен им петлею на горло.
Я на это смотрел и от этого слепнул,
А потом лишь проснулся дома.

Только грустная исповедь серых стен
Будет литься о них лишь эхом,
Чтобы быть не услышанной больше никем,
Чтоб приемника стать помехой.

Мы помехой здесь стали на кромке сна,
Чтобы тоже стать частью цирка.
Мы – не ангелы, знаешь, но не просто так
Под лопатками сложен циркуль.

Я зашью в карман самого себя,
Чтоб себя сохранить на память.
И глазницей пустой подмигнет дыра -
Мое небо, с которого падать.

Мы – не ангелы, знаешь, странно так,
Мы все живы по их подобию.
Позволь воспарить здесь хотя бы во снах,
Промзоны моей надгробие.

Паразиты

Если подфартит, то это все переболит,
И я проснусь на остоле разрушенного судна,
Что понесет меня куда-то вне земных орбит.
И я вдохну всю пыль от звезд так безрассудно.

Все эти разговоры – ни о чем, я замолчал.
Ведь никому из них не нужно в этом мире больше,
Чем просто в безысходности лишь скверну излучать
И перегнуть с остатками себя, грызясь за крошки.

Я, несомненно, потеряюсь здесь и снова задохнусь,
Ведь кроме глупых строк здесь ничего не выйдет.
Я телом в рабство этой жизни отдаюсь,
Всю душу выхаркав на землю, что распилят.

Распилят меж собой и не за так.
И почему мы все не можем вдруг признаться,
Что мы лишь паразиты на планете в облаках?
И строим только то, что породит нас задыхаться.

Мешок с костями

Не приняли и не хотели подпускать,
А я растил себя на пустошах отказов,
И этим мне дышать не привыкать,
Как грызть себя не привыкать мне раз за разом.

В моих глазах утонет рваный горизонт.
И это облако рванья на полустанках
Напомнит мне, что я здесь быть не мог,
Но я здесь засыпаю постоянно.

Ведь я здесь был, и я здесь еще есть.
Ты знаешь, мам, я лишь мешок с костями.
И больше ничего. И в этом весь.
Тот самый бездарь, жрущий грязь горстями.

Я рук не опушу и не сдаюсь,
Но, знаешь, победителей не судят.
Не судят, потому что каждый пуст,
В моих сраженьях победителей не будет.

Я прокажен давно, но кто здесь виноват.
Мне кажется, у жизни нет виновных.
По нам здесь только постоянно бьет набат,
У жизни есть лишь звук его условный.

Кройщик

Давай, наройте еще больше.
Вам ведь так нужно, а мне все равно.
А из тебя такой паршивый кройщик,
Латай мой труп, и это будет решето.

Давай, перекроим минувший день и день грядущий.
Ты соберешь и перевернешь всю эту тень.
Ты все здесь разгребешь на всякий случай.
Ради каких-то скучных новостей.

Все эти люди прочитают и забудут,
А у меня внутри лишь клетка арматур.
Сияние тушил, вошел без стука,
Не в их сердца, а вглубь своих текстур.

Ты что-то знаешь, что-то еще вспомнишь.
Осушишь зубы, словно это важно,
Как будто вместе с этим что-то стоишь.
Мне так плевать на то, про что расскажут.

Больше не вместится

Ты выпадаешь из их зрительной памяти.
Им невдомек, они теперь теряют тебя.
Ты запираешься в единственной камере,
В которой штопаешь все это день ото дня.

Они читают все друг другу за спинами.
Они считают тебя странным, но корят не в глаза.
Ты здесь извечно был отбит и покинутый.
Они обидятся за все, что ты им не сказал.

Ты наблюдаешься лишь гладкими стенами,
И твоей точки на экранах нет проблеска.
Ты запираешься единой вселенною,
В которой нет больше жизни и поиска.

Ты безысходно один в этой темени.
Ты безысходно здесь не рвешь свою голову.
В тебе умрет даже тяга к спасению,
В тебе умрет здесь надежда на новое.

А они рыщут и дергают за полночь.
Они хотят лицезреть твое тело,
Они хотят разомкнуть твою рамочность,
Но там все пусто и там нечего делать.

Ты выпадаешь из их зрительной памяти,
Но ты им нужен только чтобы не встретиться.
Вы навсегда здесь меня потеряете.
И в мою камеру больше не вместится.

Повод

Оскалюсь, как волк,
Кипятком же внутри разлагаясь.
С тебя нечего взять, какой в этом толк.
С тебя этого хватит и так нахлебались.

Пальцы стянуты наледью.
Между спицами тысячи палок.
Я решил – не мытьем, так катаньем.
Головой бьюсь о клетку бетонных балок.

А ты смотришь и хуже некуда.
Я в ответ не отдам ни слова.
На спине краской белой: «Ненависть».
Это – все, что ты дал на пробу.

Нет путей никаких – эти стены стонут,
А ты тянешь меня в эту петлю глубже.
И тебе плевать, этот гроб – мой омут.
Улыбнусь ремню, вокруг шее туже.

Я кусаю локти, ничего – потерпим.
Я терплю всю жизнь ради веры в завтра.
У меня внутри лишь родная темень.
Эта жизнь вокруг – это моя плаха.

Ничего не выдав, сглотну поглубже.
Истирать до ран буду снова пальцы.
Не могу дать повод на свое удушье.
Не могу здесь сдаться, хоть и нету шансов.

Испытание

Люди выпадают – подари им крылья.
Люди пропадают и о них забыли.
Люди догорают, остывая пылью.
Люди заплывают, захлебнувшись гнилью.

Люди опадают под огнем из тыла.
Этот мрачный круг именую былью.
Здесь все оседает ядовитым дымом.
Ты сжимаешь скальпель, только режет криво.

Мы разделим все – ноль в знаменателе.
Нам не повезет, отряд карателей
Душ своих немых, на показателях
Мне не видно мир. Он по касательной.

Я в себе убил, пулей на вылет
Все, что здесь любил – мы хоронили.
Все, что не добил – меня добило.
Все, что не срастил – нас не простило.

И полиэтиленовый
Мешок на голову,
Нам скотчем замотает
Жизнь вокруг горла.

А мы и не узнаем,
Каков был воздух.
Я на коленях полз
По грязи скользкой.

Ради ничего. Ради познания.
Каждый обречен в своих скитаниях.
Сломанным мечом на заклинания -
Просто ни о чем, лишь испытание.

Не скрыли

Лишь бы было сердцу спокойно,
Но оно как тряпка половая.
Я вытру им все вырванное пойло
И на кафеле ногою распластаю.

Выйду меж толпы на эту стужу,
Но только каждый день не проморозит
Тебя до глубины, не тронет душу.
Здесь ничего, помимо нищеты не тронет.

И вглубь не западет, добром вращаясь,
А светлой памяти пятно тебя разъест.
Я выйду меж толпы, но с ней смешаюсь,
И спотыкаюсь с ней, и делаю надрез.

Надрез над этой опухолью мозга,
Надрез над этой опухолью будней.
Мы все умрем довольно так неброско,
Но мы и жили скудно на распутье.

Распутье между долгом и мечтами.
Меж выбором – бежать или упасть.
И мы друг друга в этот траур загоняли,
Лишь бы хоть что-нибудь здесь делать не стыдяться.

Но посмотри на все и посмотри на всех.
Такие лица безысходные, я с ними.
Мы выходили из артерий города на свет,
Вот только душу мертвую не скрыли.

Белый шум

Сколько с высоток сброшено?
Не важно – он счастлив, и ты сыта.
А я сыт здесь по горло крошевом,
Стекающим с вен по листьям.

Я бы все это здесь пролистал,
Но войди в положение, цензор.
В этом омуте я вроде как Цезарь,
Но я омота сам арестант.

Из ближнего только лишь шепот,
Но спасибо ему, что дышу.
Моя жизнь – это просто осколок,
Застревающий в латаном шву.

Что-то видел и что-то пишу.
Что-то слышал, но лучше б не слышал.
Знаешь, пустота породит белый шум,
И мы все этим шумом дышим.

Пантеон

День за днем тебя давит тонна бездушного текста.
Как пантеон, в который ты больше не веришь.
Просто давит и ждет, когда позвоночник треснет.
Ты все смотришь и ждешь, когда добела истлеешь.

Посмотри сюда. Выбрось все эти строки.
Я хочу за всем этим просто быть человеком.
Живым человеком, живым и одним из многих,
А не просто кульком, зарытым и серо отпетым.

Просто скажи, потому что я не понимаю,
Куда все вложить мне, пока я еще живой.
Мне насильно писать и играть доводилось сценарий,
Только в титры не вписан и роли здесь нет никакой.

Ты не знаешь, не веришь, что у меня есть зубы.
Ты не знаешь, как я могу скалиться здесь вопреки.
Вопреки этой жизни, которая всех здесь губит.
Я губы кусаю, но не обнажаю клыки.

Хочу человеком быть, не просто убийцей знаков,
Оцифрованных намертво, что никому не нужны.
Я такой никудышный актер своего театра,
Но первосортная туша, что здесь обглодают псы.

Выбрось все. Выбрось здесь каждую строчку.
Это все как игра, в которую я проиграл.
Сотри мою жизнь и оставь хоть одну лишь точку,
Я за все это время здесь больше жизнью терял.

Стало проще

Все стало легче, понятнее и проще.
Чужие балконы холодного лета,
До боли знакомые редкие рощи,
Да и все, где меня не найдут наверно.

Стало проще, когда разговор не клеишь,
Проще стало, когда ко всему остыл.
Когда так же не спишь, но уже не жалеешь
Ни о чем, что когда-либо отпустил.

Стало проще, когда ждешь больничной койки.
Стало проще, когда не захочешь вернуть
Ничего, даже всех этих дней убогих.
Даже воздух, который осталось вдохнуть.

Стало проще, когда изнутри не держит.
Ты здесь умер. И больше уже не ждешь.
Ты здесь умер. Просто здесь умер прежним.
Сколько же раз ты еще по пути умрешь...

Некрономикон

Верни меня в мой настоящий дом.
Не в тот, где вырос и потом расстался,
А в тот, что в голове стгорел давно,
И ты в его обломках потерялся.

Верни туда и объясни зачем,
Зачем и для чего я был там нужен.
И объясни мне, почему он догорел.
И объясни мне, почему он был разрушен.

Верни. И я не расскажу, где был.
В каких застрял и потерялся мыслях,
В каких концовках персонаж себя убил.
В каких концовках это все приснится.

Верни. Насыпь мне в руки его прах.
Я подавился этой горечью о том,
Что в голове своей я угодил в капкан,
Листая будней этих Некрономикон.

Вы придете

Лишь на секунду обо всем забудусь,
И вы придете головой пинать об землю.
Куда ни уходи, куда ни сунься -
Натянут нервы голоса чужих советов.

Да тут и так как выкидыш из зоосада,
Куда распарывать на мясо – нечего.
Я, оцетинившись, ползу по эстакадам,
Да только ты все потрошишь до самой печени.

И у меня застряло все в этой печенке,
Что все системы на неврозе отказали напрочь.
Иди рассказывать другим о чем-то.
Дай мне хоть раз спокойно уснуть за ночь.

Я больше слышать не могу и сколько можно.
«Не будут ни читать тебя, ни слушать».
Вот только знаешь, по длине своей дорожки,
Я здесь и так был никому не нужен.

Еще живы

Мы еще живы. И что?
Жизнь онемела под натиском бойни.
Я равнодушно жду шторм.
Жду, когда все-таки нас здесь зароет.

Темная сказка в моей голове.
Ты придешь под конец, я оставлю страницы,
Пустые и чистые, будто мел.
Допиши, и пускай мне все это приснится.

Люди застыли, я вижу их лица.
Я слышу их голос, и он мне мешает.
Я раньше умел по глазам читать мысли,
А теперь мои мысли меня убивают.

Мы брошены были куда-то в космос
На маленьком шарике, тусклом и синем.
Приди под конец, лучше уж поздно.
Мы вроде как живы. Мы вроде как были.

Говори со мной

Поговори со мной.
Тыма опускается, нежно целуя в шею.
Ночь тянет руки, пока я еще живой.
Я слышу звуки, вкус моих мыслей голодом будит зверя.
Цербер проснется и спустится за тобой.

Ты говори.
Только как можно тише.
Моя метка внутри так жутко горит,
Цепью тянет его, он это видит и слышит.
Только здесь его дом, который его приютит.

Ты говори.
Лишь это его усыпит.
Он дышит искрами пыли давно уже мертвых звезд.
Лучшая часть меня, которую не накормили.
Худшая часть меня, всех моих странных грез.

Самый тяжелый бой.
Я уверенно жду рассвета.
Он не даст ничего, даже меня не спасет.
Говори со мной.
Сквозь вопли из грудной клетки
Буду слышать твой голос, пока мою душу жрет.

Ничего не вижу

По монолитному лону своих городов
Километрами странной застывшей боли,
В иступленной колкости холодов
Люди бредут в никуда волною.

И лишние им замерзают стайно
Поредевшие полчища серых птиц.
Твое сердце уродливо режет сталью
Отвердевшего кокона прежних лиц.

На груди висит бремя своей бездарности.
Эхо грязных безвыходных мыслей казнит.
Шаг. Спотыкнусь. Новый шаг к крайности.
А потом ничего никогда не простит.

Сгорбившись в душном и тесном транспорте,
К счастью доедешь, проедешь мимо.
Поставь самый важный мне штамп на паспорте
О том, что меня эта жизнь не добила.

Я увижу Луну, она так прекрасна.
Но стервозно в тебя просто плюнет с неба.
Ты промоешь глаза, еще день живешь на спор.
Никогда, никогда не узнав ответа.

Руки тянутся к глазам – ничего не вижу.
Нечем гордиться, но к черту гордость.
Просто долго искал возможность услышать,
Что душа здесь моя не в конец распоролась.

Обрывком кабеля

Нарисуем картинку обрывками кабеля,
Обломком того, что не умерло.
Нарисуем на грани сакрального,
Даже немного безумного.

Я задеть тебя хочу заживо,
Через все, что здесь сложено урнами.
А мы здесь ничего не нажили,
Кроме дырок под сердцем. Пулями

Прошивает пространство вне времени.
И мы падаем навзничь воинами.
Разукрась все в оттенок пепельный,
Лишь бы кто-нибудь светлым вспомнил бы.

Только книги и только люди
В Фаренгейте горят нечитаемом.
Мы возьмем в черновик наши судьбы
И намеренно исчеркаем.

Нарисуем обрывком кабеля,
А могли бы ошкурить в пламени.
Мы могли бы на медь отправить бы,
Но мы вне этих рангов табельных.

Отпусти меня

Нас всех гнало на смерть,
И я слышал их смех,
Внимая тусклым отзвукам ступора.

Мы хотели воспеть
Под ногами ту твердь,
Что ломалась и все время путала.

Миллионами бомб
Из земных катакомб
Голосами взрывались из сумрака.

Только наш серый дом
Не простит нам потом
И обратно собою окутает.

Ты оставишь в себе
Эту память о тех,
Кто флэшбэком врывается с муками.

Отпусти меня, тлен.
Отпусти насовсем.
Я хочу быть живым, а не с трупами.

Не по плечам

Кровь запеклась на щеках.
Заезженным взглядом щенка
Ты смотришь в разодранный мир
Из обглоданных дыр
В неоплаченных вечных счетах.

Принесите нас всех на щитах.
Кто-то что-то здесь не рассчитал.
Мы хотели жить большим,
Не думать о прошлом,
Только нас здесь никто не читал.

Инквизитор истошно кричал
О том, что нам не по плечам.
И подбрасывал в топку
Все новые стопки.
Я дальше все шел и молчал.

Такой сказочно светлый причал
Я еще никогда не встречал.
Но не в море, а в топи,
Чрез Мории копи.
Не исчезнуть лишь просто мечтал.

Резец

Возьми свой резец и больше уже не теряй.
Крепко держи в руках, не замечая боль.
Он с тобою останется, когда перейдешь за край,
С тобою уйдет, когда не придешь домой.

Сожми его крепче в холодных своих руках.
Его потеряешь – уже ничего не будет.
Совсем ничего и больше уже никогда.
И никто не вернет тебя, странный уставший путник.

Вырежи сердце свое, сделай его чуть лучше.
Огранке придай – лишь бы хоть что-то вышло.
Наполни себя изнутри этой чертовой стружкой,
Чтобы все заглушить и криков уже не слышать.

Были ведь люди, что шли и потом пропали.
Но они ведь оставят что-то себя взамен.
Вырежи сердце, сделай цветок и оставь им.
Пусть лежит на дороге между кирпичных стен.

Сомнамбула

Кружка летит об стену.
Я зубами сжимаю осколки,
Чтобы чувствовать вкус белый.
Чтобы ватное тело
Вылезло их целлофановой пленки.

Не спал сотни суток,
Но при этом удачно проспал всю жизнь.
Сомнамбула тащит свой призрак,
Пинает свой мозга сгусток
Туда, где не ждет утешительный приз.

Кровь вытекает из носа.
Просыпается снова в крови.
Просыпается поздно.
И плетется к входной двери.
Плетется на спертый воздух.

Глазницы пустынных улиц
Равнодушно следят за поступью.
По лестницам спустится.
По лестницам падать на холод
И остаться на стенах росписью.

Готэм

Я продираю глаза и пытаюсь проспать.
Готэм снаружи скребется в стальную дверь.
Ломится будто больной. Где я вообще оказался?
Кто я вообще такой и где нахожусь теперь?

Тени скребут руками по ниточкам моих нервов,
Играют на венах моих ноктюры из ржавых труб.
Выдай скафандр, я смело шагну самым первым
В мертвый инсайд всех хранителей этих мук.

Стрелки часов поплывут и стекут по обоям,
Я все перепутаю, видя поплывший компас.
Изувеченных топятся толпы антигероев,
В этих волнах унылого Стикса бредя по пояс.

Держи сердце мое, руки и разум, и я не вскроюсь.
Я дышу его холодом мерзким и вдоволь больным.
Готэм ломится в двери, я от него не скроюсь.
Он придет и мне выдохнет в мысли всю копать и дым.

Фабрикат

Руки завязаны, падаю в грязь -
Обруганный, сожранный площадью.
Площадь – в моей голове, не стыдясь,
Заливается водами сточными.

Я разрезан, распихан по ампулам
С запаянным газом внутри.
Вот он – финал каждой фабулы.
Что бы ни делал – ты делал круги.

Напихай в свой желудок стекла,
Расфасуй его в свою голову.
Тараканам опять не до сна -
Тараканы голодные.

Они бьют в твоих мыслях хрусталь,
Чтобы ты здесь собрал что-то новое.
Только я собирать устал -
Предпочтут фабрикат штампованный.

Вода

Все слова – вода.
А я вижу здесь десятый круг ада.
Давай скинемся на ограду,
Все равно не дойдем никуда.

Я совру, что мне ничего не надо,
Чтобы просто не быть тщеславным.
Однако знаешь, где правда?
Правда здесь в том, что не лгал.

Просто ты смотришь не так.
А я смотрю, но не вижу.
Постебуй над душевной грыжей.
И не стыдно, как есть – дурак.

Неприменно все склеим лыжи.
Мне плевать, что там были ласты.
Я бреду по хрустящему насту,
Сам в бреду, и свой бред ненавижу.

Ты проиграл

Такая унылая сценка.
Сыграй в дурачка на подушную подать.
Ты сам, дурачок, обесценен,
И мы как-то сами должны все штопать.

Последние тряпки выщвели.
Мы выщвели с ними, увяли здесь.
И все еще живы из принципа,
Заштопав себя, но с иглы не слезть.

Ты всю жизнь был обязан делать,
Словно нужно заслуживать даже смерть.
На асфальте черкаешь классики мелом,
Но по классике здесь даже старта нет.

На обшарпанной батарее
Кто-то пишет: «Жизнь – это игра».
И я незнакомцу поверю,
Подписавшись рядом: «Ты проиграл».

Легион

Вославим же пепельный орден.
Мы все призраки в тесных латах.
Убийцы мыслей, убийцами сдохнем.
Душителю сегодня, вчера и завтра.

Отними здесь все, верни поле брани,
Новый припадок внутри себя.
Мы войну в голове своей не выбирали,
Но она уместит весь свой мрак в тебя.

Встань с колен, иди – все равно ты падший.
Чумным сукам плевать – уже обглодали тебя.
Я не вижу свет, только мрак вчерашний.
Наша рать канет в бездну небытия.

Мы горим на кострах – нам не стыдно.
Нас сожгут, потому что живем.
Встань с колен – ты признал погибель,
Мой пропавший во снах легион.

Доброе утро

Доброе утро,
Нештатный работник
Не существующего проекта.
Сегодня хмуро,
И сегодня клеим на пальцах
Разъест тебя тень макета.

Ты и я.
Я – твой голос внутри,
Пинающий в спину с балкона.
Пинающий вниз
С ноги
На еще не покрытое снегом лоно

Твоей преисподней.
И я по пятам за тобой,
С тобою вместе.
С тобой в темноту,
В пустоту, на убой.
Там так много места, что каждый влезет.

Мы, как два наркомана,
Как два образных шизофреника,
Деремся за право коснуться жизни,
Что лежит за рябящим экраном.
Ищем чувства и смысл,
Но оба посредники.

Ты примешь из моих рук
Инъекцию амнезии.
Я – не враг тебе,
Я – не друг.
И мы оба – проснувшийся труп,
Который мы не воскресили.

Интерфейс

Город в огне -
Ломись на горящий чердак, как чокнутый.
Спасай свои мысли, дай пачку патронов мне
И падай на землю, унылое небо зачеркнуто.
И мы перечеркнуты, даже не зная где.

Собери пустых банок, кучу бутылочных пробок,
Чтобы было чем дырки в изнанке своей заткнуть.
Чердак догорит, одуванчиков винный погреб
Формалином затопим, двинемся дальше в путь.

Радужка глаз изнутри заплывла тонировкой,
И я вижу на станциях орды уснувших тел.
Наши чувства – расходники. Гуляем по мышеловке.
Время хлопнет по шее. Органы. Контур. Мел.

Вживи в кору мозга мне самый полезный датчик,
Я сброшу туда весь свой пустой интерфейс.
Город в огне – это значит диспетчер задачи
Не справляется больше с бесцельностью наших действий.

Айсберг

Давай разложим по полкам.
Без метафор, не надо, не романтизируй.
Голая правда, все бестолково.
Голая правда, без перспективы.

Дай в руки нож. Я знаю, нужно резать.
Чтоб никогда здесь ни к чему не прикипеть.
Лед тронется. И с айсберга не слезем,
Нырнуть под воду – значит умереть.

И в голове холодным сухим треском
Ломается тяжелый грубый пласт,
И давит дальше, кровь течет с порезов.
И отрывает часть тебя балласт.

А дальше что? Ползешь по снежной корке,
И сухожилия не тащат больше ног.
Ты на руках ползешь, но сможешь ли ты долго
Терпеть на пальцах отмороженных ожог?

Здесь завтра нет, лишь воды океана.
Я перерезал часть себя и сбросил вниз
На корм касаткам, мне уже не надо.
Здесь нет вчера, лишь белый взгляд убийц.

Дай в руки нож. Я знаю, нужно резать.
Мне больно, не зови меня в туман.
Я никуда здесь не доплыл, но я не слезу,
Я знаю голос под водой, в нем лишь обман.

Перчатки

Попробуй прикоснись,
Но не забудь потом и поменять перчатки.
Страна разбитого стекла кричит: «Проснись!»
Так что иди и собери осколки по брусчатке,
Но только по пути не захлебнись.

Беги за кроликом протоптанной дорожкой.
Пусть смех его дерет до дрожи, до костей.
И посмотри ему в глаза – ему дороже
Безумие и омут пропастей.

А ты ищи. Ищи и не сдавайся.
Беги, не замечай, как хлещет молоток
По не сгибающимся стертým пальцам.
Беги, дурак, не завязав шнурок.

И он завяжется петлей, и нет роднее.
Спасибо, что хотя бы именной.
Я все осколки мыслей растерял – проверил.
И сжег свой дом, ища свой путь домой.

Не найден

Никто потерян, и никто не найден.
Ты расщепляешь в голове координаты.
Так мало солнца и так много пятен,
Но они все твои и все считать некстати.

Замотай кулаки в бинты,
Ложись спать со спокойной совестью.
И залей керосином мосты,
Все равно не спасут от пропасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.